

ИВАН КОРОБОВ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СТИЛЯ БАРОККО В АРХИТЕКТУРЕ АННИНСКОГО ВРЕМЕНИ

С.В. Клименко

Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

Аннотация

Проблема генезиса стиля в русской архитектуре конца 1720-х - первой половины 1740-х годов все еще остается не до конца выясненной. В общей картине архитектурного развития той эпохи заметное место принадлежит работам тех мастеров, чье обучение в качестве пенсионеров императора Петра I проходило в европейских странах - в Италии и Нидерландах. В статье анализируется период обучения в Нидерландах одного из петровских пенсионеров, Ивана Коробова, его ученические рисунки и архитектурные проекты. Его работы дают возможность более конкретно проследить механизм проникновения форм нидерландской архитектуры в русскую архитектуру 1720-1740-х годов - периода раннего барокко, предшествующего времени взлета творчества Ф.-Б. Растрелли.

Ключевые слова: Иван Коробов, стиль, архитектурные ученики, учебные работы, архитектура Нидерландов, фламандское барокко

IVAN KOROBOV AND THE FEATURES OF BAROQUE STYLE IN ARCHITECTURE OF ANNA'S REIGN

S.Klimenko

Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia

Abstract

The problem of the style genesis of Russian architecture in the late 1720s - early 1740s is still not fully understood. In the overall picture of the architectural development of that time the prominent place is taken by the works of masters, that were educated in European countries (Italy and the Netherlands) as Peter I fellowship holders. The article examines the period of study in the Netherlands one of Peter's fellow, Ivan Korobov, his student drawings and architectural designs. His work allow to more specifically trace the mechanism of penetration of the forms of Dutch architecture in the Russian architecture of the 1720-1740's - the early Baroque period prior to take-off time of creativity of F. Rastrelli.

Keywords: Ivan Korobov, style, architectural students, academic works, the architecture of the Netherlands, the Flemish Baroque

Архитектура послепетровского времени, особенно эпохи правления императрицы Анны Иоанновны (1730-1741гг.), с точки зрения особенностей формирования стиля архитектуры, все еще редко становится предметом изучения. Хотя сегодня уже очевидна необходимость пересмотра прочно укрепившихся негативных оценок "аннинского десятилетия". В этой связи следует заметить, что за последние годы в отношении его изучения историками сделано немало.¹ После яркой эпохи царствования Петра I и следовавших за ней кратких периодов правления Екатерины I и Петра II, приход к власти Анны Иоанновны не только не

1 Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: Формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730-1735 г. - СПб., 2001; Курукин И.В. Эпоха "дворских" бурь: Очерки политической истории послепетровской России, 1725-1762 гг. - Рязань, 2003.

остановил ход петровских реформ, - напротив они набрали новую силу. Императорский двор, с его становившимся все более репрезентативным характером, требовал и соответствующего архитектурного оформления.

В начале 1730-х годов это в большей степени коснулось обустройства жизни монарха, прежде всего создания новых императорских резиденций, причем не только в столице, но и в ее окрестностях. Но после сильных пожаров, произошедших в Петербурге в 1736-1737 гг., преобразования коснулись всего города. Столица стала приобретать иной характер, нашедший выражение как в новом проектном плане города, так и в архитектуре его отдельных сооружений и ансамблей.

К концу правления Петра I сложная картина архитектурного развития начала XVIII века постепенно сменялась стилистическим единством. Эта тенденция, которая вела к формированию единого стиля, получила развитие при Анне Иоанновне. Значительная роль в этом процессе принадлежала, без сомнения, придворному архитектору Ф.-Б. Растрелли. Однако в 1730-е годы, когда Растрелли только начинал самостоятельную деятельность, одновременно с ним бывшие петровские пенсионеры, обучавшиеся в Европе в предшествующее десятилетие, начинают играть в формировании барокко в России также большую роль.

Среди них, пожалуй, трое оставили наиболее заметный след в архитектуре аннинского времени. Петр Еропкин, занимавшийся в Риме и Флоренции, возглавляя архитектурную экспедицию специально созданной в 1737 г. Комиссии о Санкт-Петербургском строении, фактически предопределил дальнейшее развитие Петербурга разработанными им градостроительными проектами. Иван Мичурин, направленный Петром I в Нидерланды, занимавшийся сначала в Амстердаме, а затем в Королевской академии художеств в Антверпене, после возвращения в Россию работал в Москве, где помимо повседневной архитектурной работы, в том числе по поддержанию древних сооружений, под его руководством был создан первый фиксационно-проектный план этого города.

Иван Коробов, как и Мичурин обучавшийся в Нидерландах и ставший в конце 1720-х годов главным архитектором Адмиралтейств-коллегии, разработал здесь множество проектов, целый ряд которых был реализован. В их числе важнейшее для его творчества сооружение, вошедшее в историю русской архитектуры и до конца 18 столетия определявшее архитектурный облик Петербурга - башня Адмиралтейства (Рис. 1).

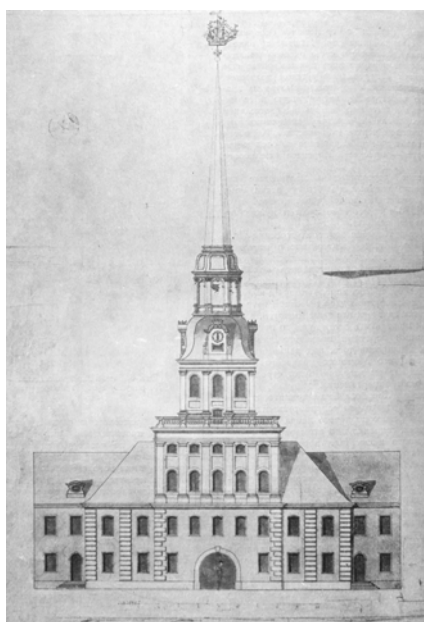

Рис. 1. Коробов И.: Проект здания Адмиралтейства в Санкт-Петербурге (Первый вариант. 1732-1738гг.)

Так сложилось, что именно период обучения в Европе И. Коробова, кроме известных в связи и с другими петровскими пенсионерами документов, в основном, их переписки, что было исследовано в работах И.Э. Грабаря, В.И. Пилявского и других авторов,² представлен его ученическими рисунками и проектами, хранящимися в России. При этом важно подчеркнуть, что деятельность И. Коробова, стилистические особенности его произведений (как и других учеников) рассматривались в отрыве от европейского образования, без анализа тех конкретных форм европейской архитектуры, которые нашли отражение в проектах и постройках архитектора, созданных им после возвращения в Россию. В этой связи в данной публикации сделана попытка на основе анализа ученических работ И. Коробова показать один из механизмов привнесения форм нидерландской архитектуры в русскую строительную практику послепетровского времени.

Архитектурное развитие Нидерландов первой четверти XVIII века, времени пребывания здесь петровских пенсионеров, представляло сложную картину. Именно в этот период между северными территориями (Голландия) и южными провинциями страны (Фландрия) в стилистическом отношении происходит определенное сближение, особенно по сравнению с предшествующим столетием, когда различия между классицистической Голландией и барочной Фландрией были довольно сильны (хотя еще в XVI века эти земли составляли единое пространство). Знакомство русских учеников сначала с протестантской культурой Голландии, а затем и с фламандским искусством имело свои особенности, связанные, прежде всего, с характером их обучения.

Характерные черты голландской архитектуры воспринимались учениками в основном на уровне собственных впечатлений. При этом, они неоднократно отмечали в письмах отсутствие в Амстердаме архитекторов, у которых можно было бы заниматься, что следует рассматривать как следствие не столь обширной архитектурной практики, существовавшей в Голландии в первой четверти XVIII века.

Это было особенно ощутимо на фоне предшествующего столетия, когда классицистическая школа XVII века была представлена именами таких мастеров, как Я. ван Кемпен, Ф. Вингбоонс, П. Пост. Поэтому голландский классицизм, видимо, не был воспринят русскими учениками в той степени, в какой это было бы возможно в ходе обучения непосредственно у кого-либо из голландских архитекторов. Их занятия в Амстердаме сводились в большей степени к освоению технических приемов строительства, что вызывало у них определенное разочарование, о чем свидетельствуют многие их письма, направленные в Россию.

Если голландский опыт архитектурных учеников носил характер самостоятельного освоения архитектурного языка, то, напротив, за время обучения в Антверпене у конкретного мастера восприятие архитектуры фламандского барокко имело для них гораздо более целостный и последовательный характер. Долгое время наши представления о характере занятий русских учеников в Антверпене основывались на сведениях, содержащихся в письмах самих учеников, а также агентов русского царя. И.Э. Грабарь опубликовал ряд таких документов, позволяющих назвать имя архитектора, в мастерской которого занимались русские ученики, и который назван как «И. Иоган Бауршет, скульптор, архитектор, инженер».

После публикации бельгийским исследователем Э. Вагемансом сведений о пребывании в Антверпене живописца А. Матвеева, а также архитектурных учеников И. Мичурина, И. Мордвинова и И. Коробова, появились первые достоверные факты, свидетельствующие о

2 Грабарь И.Э. История русского искусства. Т. 3. Б.м., б.г. С.165-172 (глава "Заграничные пенсионеры Петра Великого"). Он же. Обучение русских мастеров за границей // Русская архитектура первой половины XVIII века: Исследования и материалы. / Под ред. акад. И.Э.Грабаря. - М., 1954. - С. 167-180. Он же. Обучение русских зодчих // История русского искусства. Т.V. - М., 1960. - С. 115-121; Пилявский В.И. Иван Кузьмич Коробов //Архитектурное наследство. - №4. - М., 1953. - С.42-62.

том, что все они занимались в Королевской Академии, основанной в 1663 г.³ Публикация таких сведений позволила установить имя мастера, названного как «И. Иоган Бауршет».

Им являлся известный во фламандском искусстве скульптор и архитектор *Ян Петер ван Баурсейт-старший* (Jan Peter van Bourscheit I; 1669-1728), чье имя в лучшем случае лишь упоминается в российских курсах истории искусства, как и имя сына этого мастера, тоже скульптора и архитектора, носившего то же имя и называемого Яном Петером ван Баурсейтом-младшим (Jan Peter van Bourscheit II; 1699-1768), который, вероятно, помогал отцу в занятиях с русскими учениками.

В истории фламандского искусства Я.П. ван Баурсейт-старший более всего известен как скульптор.⁴ Его скульптурные работы, среди которых есть весьма значительные, хорошо известны историкам бельгийского искусства. Ранний период его творчества (вторая половина 1690-х - начало 1700-х годов) был связан, в основном, с созданием надгробных памятников, среди которых - исполненная им для захоронения семьи Ван ден Брюгген (Van den Bruggen) каменная фигура св. Питера Мартира в хоре доминиканской церкви св. Павла в Антверпене (1700), каменное надгробие барона Питера Фердинанда Роуза (Pieter Ferdinand Roose) в церкви св. Михаила и Гудулы в Брюсселе (1706), и ряд других.

Более всего Баурсейт-старший стал известен своими работами, выполненными по заказам различных религиозных орденов. Это созданные по его чертежам и рисункам (а с середины 1710-х годов и при участии его сына) многочисленные алтари, кафедры, органы и другие предметы церковного интерьера. Так, ими были созданы главные алтари в церкви св. Михаила в Генте (1717) и Картезианской церкви (kerk van de Kartuizers) в Антверпене (около 1726). Но более всего мастерская Баурсейта-старшего была популярна как в Антверпене, так и за его пределами, благодаря создававшейся в ней садовой скульптуре. Сохранившиеся многочисленные примеры подобных работ, а также подготовительные рисунки скульптур, свидетельствуют о размахе деятельности мастерской.

Деятельность Я.П. ван Баурсейта-старшего, как архитектора, не столь ясна в отличие от его скульптурного творчества. Судя по всему, он не был создателем каких-либо значительных построек, но все же известные нам работы позволяют составить некоторое представление о характере его архитектурной деятельности. По-видимому, первый значительный проект был им разработан при участии сына в 1717 г. Тогда отец и сын Баурсейты совместно выполнили архитектурное оформление торжеств по случаю вступления австрийского императора Карла VI в Брюссель, являвшийся столицей герцогов провинции Брабант.

Для встречи Карла VI, прибывшего в этот город в качестве четвертого герцога Брабантского, по сути, была разработана целая архитектурная программа проведения торжеств. Перед герцогским дворцом был построен "Амфитеатр", а в других частях города было возведено еще несколько сооружений, в частности триумфальные ворота. Одни из таких ворот можно видеть на гравюре, хранящейся в Королевском институте культурного наследия в

3 Вагеманс Э. Петр Великий в Бельгии. - М., 2007. - С. 115-118.

4 Ф.Бодуан опубликовал целый ряд работ о творчестве обоих Баурсейтов, вышедших в основном на голландском языке. Укажем только на некоторые из таких публикаций: Baudouin F., «Enkele beeldhouwwerken van Jan Peter van Bourscheit, vader en zoon», *Nederlands Kunsthistorisch Jaarboek*, t.XXI, 1970; Baudouin F., «Bourscheit (Bauerscheit, Bourscheidt, Bourscheit) de Jonge, Jan Peter», *Nationaal Biografisch Woordenboek*, t.I, 1964b, col.82-88; Baudouin F., «Jan Peter van Bourscheit de Jonge, architect, 1699-1768», *Lira Elegans*, Liers Genootschap voor Geschiedinis, 4, 1994. Из работ последнего времени об архитектурном творчестве Я.П. ван Баурсейта-младшего следует назвать диссертацию И. Бредвельд Боер: *Tekenen en vasseren: Het bedrijf van Jan Peter van Bourscheit (1699 - 1768) en de architectuur in het tweede kwart van de achttiende eeuw* / I. M. Breedveldt Boer - [S.l.] : [s.n.], 2003 - Tekst. - Proefschrift Universiteit Utrecht.

Брюсселе.⁵ Это сооружение, спроектированное Баурсшейтом-старшим при участии сына, мог увидеть И. Коробов, приехав в Антверпен, или в мастерской Баурсшейта он мог познакомиться с проектными чертежами.

Такое предположение возникает при сравнении этой постройки с проектом триумфальных ворот на Тверской улице в Москве, разработанным И. Коробовым в 1742 г. к коронации императрицы Елизаветы Петровны. Композиция созданных Коробовым в Москве ворот, особенно в их центральной части - решение проездной арки с установленным сверху гербом и венком, парные колонны, криволинейных очертаний в плане боковые части - вероятно возникла не без влияния барочной архитектуры триумфальных ворот в Антверпене. Надо полагать, именно этот стиль представлялся И. Коробову наиболее отвечающим такому типу сооружения, которое он спроектировал к коронации Елизаветы Петровны (Рис. 2).

Работа по архитектурному оформлению вступления Карла VI в Брюссель не только принесла Баурсшейту-старшему известность. Именно после нее он занял особое положение, получив должность "скульптора, архитектора и директора работ Его Императорского величества и Католической церкви".⁶ После 1717г., уже занимая должность королевского скульптора и архитектора, Баурсшейт-старший стал получать более значительные заказы, например, на проектирование целиком интерьеров церквей. Одной из самых его известных работ в этой связи стали новое убранство интерьера и скульптуры для портала в восстановленной после пожара 1718г. знаменитой иезуитской церкви св. Карла Борromeя (Jezuïtenkerk) в Антверпене, построенной в 1614-1621гг. архитекторами П.Хейсенсом и Ф.Агиллоном, а росписи интерьера в которой были выполнены П.Рубенсом (погибли в пожаре 1718г.). В новом облике интерьера этой церкви отчетливо проявились изменения, произошедшие во фламандской архитектуре на рубеже XVII - XVIII веков.

Рис. 2. Коробов И.: Проект триумфальных ворот на Тверской улице в Москве, разработанный к коронации императрицы Елизаветы Петровны, 1742г.

-
- 5 Royal Institute for Cultural Heritage (IRPA/KIK). Чертеж триумфальных ворот опубликован: Breedveldt Boer, I. M. *Tekenen en vasseren: Het bedrijf van Jan Peter van Bourscheit (1699 - 1768) en de architectuur in het tweede kwart van de achttiende eeuw ...*, p. 293.
- 6 Thieme U., Becker F., *Allgemeines lexicon der bildenden künstler. Von der antike bis zur gegenwart*. B.3, Leipzig, 1909, p.92-93; Dirk Van de Vijver, «L'Otude de la science architecturale. Formation d'un gentilhomme architecte russe en Brabant et en Hollande (1718-1727)» ..., p. 518.

Именно выполненная Баурсшейтом реконструкция интерьера церкви Карла Борромея явилась первой работой этого мастера, с которой познакомился И. Коробов в 1718г., как только приехал в Антверпен. Этот факт устанавливается из анализа рисунков различных скульптур (всего 11 рисунков), помещенных в сборный альбом, хранящийся в Отделе рукописей БАН, отдельные листы из которого входили в картографическое собрание Петра I.⁷ Характер изображений свидетельствует о том, что И. Коробов приехал в Нидерланды, уже обладая хорошими графическими навыками. Особенно интересны изображения фигур, среди которых статуя Титана из церкви св. Иакова, видимо, в Антверпене, а также фигуры ангелов, установленных, как гласят надписи, в некоей иезуитской церкви ("jesuiten kerck").

Надо полагать, именно зарисовки скульптур из иезуитской церкви Карла Борромея и выполнил И. Коробов в первый год своего пребывания в Антверпене. Сомнения в этом отпадают, если обратить внимание на рисунок деревянных панелей с включенной в их композицию объемной скульптурой в боковых нефх церкви. Очевидное сходство фигур ангелов, изображенных на рисунках Коробова, с деревянными статуями в антверпенской церкви, дает основание для достаточно убедительной атрибуции этих рисунков.

Ученические рисунки русского ученика стали первым опытом его непосредственного знакомства с фламандским искусством барокко. Однако непосредственно для архитектурного образования И. Коробова большее значение имели выполненные им позднее (в период 1721 - 1724 годов) архитектурные чертежи, направленные с одним из писем Петру I, благодаря чему, видимо, и сохранились, в отличие от ученических работ других пенсионеров, обучавшихся в Нидерландах. В этой связи ценность графического наследия И. Коробова, времени его обучения, чрезвычайно велика.

Кроме целой серии рисунков скульптур в период пребывания в Антверпене, И. Коробов выполнил перспективный рисунок траурного катафалка. Этот лист, хранящийся в Государственном Эрмитаже, впервые опубликовал В.И. Пилявский, атрибуировав это изображение таким образом: "Катафалк в духе безудержного барокко, изображенный на эрмитажном чертеже Коробова, является либо плодом его фантазии на тему барочной архитектуры Брюсселя, либо копией с какого-то чертежа нидерландского архитектора XVII или XVIII веков."⁸ В нижней части листа на голландском языке есть подпись, в переводе означающая: "Рисунок мавзолея сооруженного при дворе в Брюсселе". Предположению В.И. Пилявского до недавнего времени не было подтверждения.

И только благодаря исследованиям голландских историков архитектуры, обративших внимание на хранящийся в Эрмитаже рисунок, появилась возможность его достоверной атрибуции.⁹ В частности, И. Бредвельдт Боер опубликовала чертеж, сопоставление которого с рассматриваемым нами изображением не оставляет сомнения в том, что чертеж И. Коробова является ни чем иным, как копией рисунка, выполненного Баурсшейтом-младшим в 1720 г. Он представляет вид катафалка императрицы Элеоноры Магдалены Терезы, матери императора Карла VI, возведенный в часовне дворца в Брюсселе по случаю ее смерти в 1720 г. Архитектура катафалка (мавзолея), исполненного в барочных формах, представляет собой тип временных сооружений, которые во множестве создавались в

7 ОР БРАН. Собрание иностранных рукописей. Альбом F°266. О рисунках и чертежах И.Коробова, хранящихся в ОР БРАН, см. комментарий в книге: Мурзанова М.Н., Покровская В.Ф., Боброва Е.И. Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. - М. - Л., 1961. - С. 86, 89, 91; здесь опубликованы два листа, подписанные И.Коробовым на голландском языке, на которых изображены два фасада некоего городского особняка.

8 Пилявский В.И. Указ. соч. С. 41-62 (рис. 4). Повторно рисунок катафалка опубликован: Архитектурная графика России (первая половина XVIII века): Собрание Эрмитажа. Научный каталог. - Л., 1981. - С.51 (кат. № 64); авторы каталога атрибуировали чертеж на основании предположения В.И.Пилявского.

9 Breedveldt Boer, I. M. *Tekenen en vasseren: Het bedrijf van Jan Peter van Bourscheit (1699 - 1768) en de architectuur in het tweede kwart van de achttiende eeuw ...* P. 293. Dirk Van de Vijver, «L'Otude de la science architecturale. Formation d'un gentilhomme architecte russe en Brabant et en Hollande (1718-1727)» ... , p. 535-536.

Европе. Оформление траурных мероприятий, особенно связанных с кончиной монархов, подчас имело масштабный характер и даже стало особым видом искусства. К проектированию такого типа сооружений часто привлекались известные мастера.

Рисунок катафалка, выполненный И. Коробовым, по-видимому, в учебных целях, позволяет сделать некоторые наблюдения. Прежде всего, рисунок носит копийный характер. Учитывая, что он исполнен уже на третьем году обучения (в 1720г.), то можно полагать, что одним из главных методов обучения в мастерской Баурсшейта-старшего являлось копирование рисунков и чертежей. Вероятно, не удовлетворенный этим и другими обстоятельствами, в 1724г. в одном из писем Петру I И. Коробов писал: «во всем бытии моем в Брабандии искусного, архитектурного художества в строении не видал, и мастер мой при мне домовного строения не делал ...».¹⁰ Из этой фразы можно сделать вывод об отсутствии в Брабанте в это время обширной строительной практики, во всяком случае у Баурсшейта-старшего, да и в целом архитектура фламандских городов не казалась привлекательной для И. Коробова. В то же время следует заметить, что его занятия в Антверпене рисунком, копирование чертежей, оказывается близким к практике обучения архитектурных учеников в "командах" архитекторов, сложившейся в Петербурге петровского времени, с которой русские ученики были хорошо знакомы до отъезда в Нидерланды.

Отсутствие систематических занятий практикой строительства, а также то обстоятельство, что Баурсшейту-старшему, видимо, не часто приходилось выполнять крупные архитектурные проекты, подобно упоминавшейся выше работе по оформлению торжественного вступления в Брюссель Карла VI, заставляет обратить особое внимание на два архитектурных проекта, выполненных И. Коробовым в 1722 - 1724 годах в антверпенской мастерской Баурсшейта-старшего. Они включены в уже упомянутый смешанный альбом, хранящийся в ОР БРАН. На нескольких листах представлены чертежи двух неизвестных городских домов. Ценность этих материалов, только некоторые из которых были опубликованы, заключается в том, что, с одной стороны, возможно более конкретно выяснить характер архитектурного образования русских учеников в Нидерландах, а с другой - стиль созданных И. Коробовым произведений позволяет увидеть те архитектурные предпочтения, которые существовали у его учителя и были им восприняты, а также проследить возможное влияние этих проектов на творчество И. Коробова после возвращения в Россию.

Первый проект, датированный 1722 годом, включает планы этажей и фасад жилого дома, представляющего собой прямоугольный в плане трехэтажный объем, увенчанный мансардной кровлей¹¹ (Рис. 3).

На листах все надписи выполнены на голландском языке, включая подпись самого И. Коробова (I.Koroboff). Из поясняющих надписей, имеющихся на чертежах, не удалось установить, является ли этот проект собственным проектом И. Коробова. Композиция фасада в 11 осей построена на спокойном ритме оконных проемов, простенки между которыми заполнены пилястрами - в нижнем этаже дорического ордера, а во втором - ионического. Оконные проемы первого и второго этажей дополнены расположенными над ними небольшими проемами прямоугольных и овальных очертаний, что придает фасаду выразительный облик. Только центральная часть акцентирована арочным проемом входа и расположенным над ним во втором этаже арочным окном с балконом.

Широко развернутый фронт главного фасада характерен для архитектуры крупных фламандских городов с конца XVII столетия, когда появляются подобные постройки, как, например, дворец герцогов Брабантских в Брюсселе (1698, арх. Г. де Брейн), заметно отличающийся своим протяженным фасадом от построек более раннего времени, домов, как правило, с узкими фасадами, завершенными традиционным щипцом. Примененный в чертеже И. Коробова дорический фриз в ордере первого этажа напоминает фриз на фасаде иезуитской церкви Карла Борромея в Антверпене, где, в частности, применены эмблемы в

10 РГАДА, ф.9, отд. II, д.67, л. 383 об.

11 ОР БРАН. Собрание иностранных рукописей. Альбом F° 266. Л. 35-38.

метопах.¹² Поскольку созданием нового интерьера этой церкви в 1718г., как уже говорилось выше, занимался Баурсейт-старший, то можно предположить, что рассматриваемые чертежи имеют отношение к проекту, создававшемуся именно в его мастерской.

Другой проект, относящийся к 1724 году, имеет более значительный масштаб¹³ (Рис. 4).

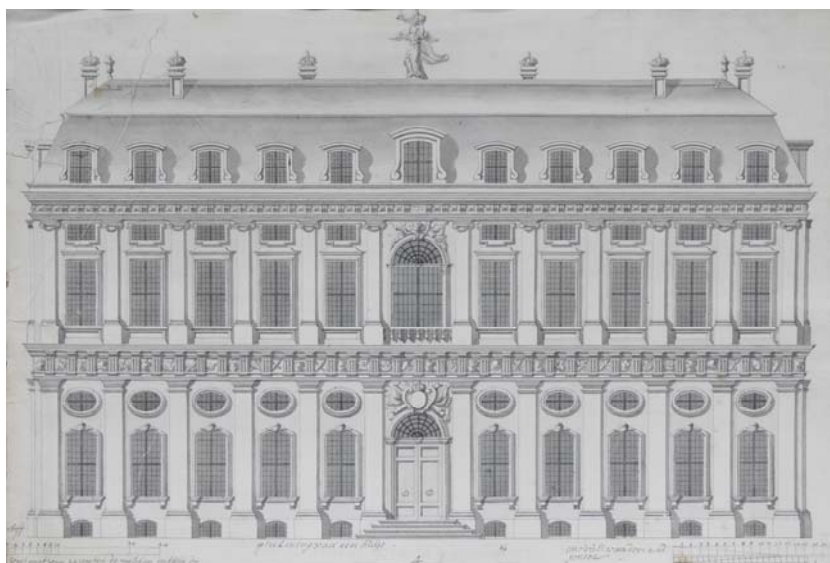

Рис. 3. Коробов И.: Проект городского особняка (Фасад, 1722г.) (Отдел рукописей Библиотеки РАН)

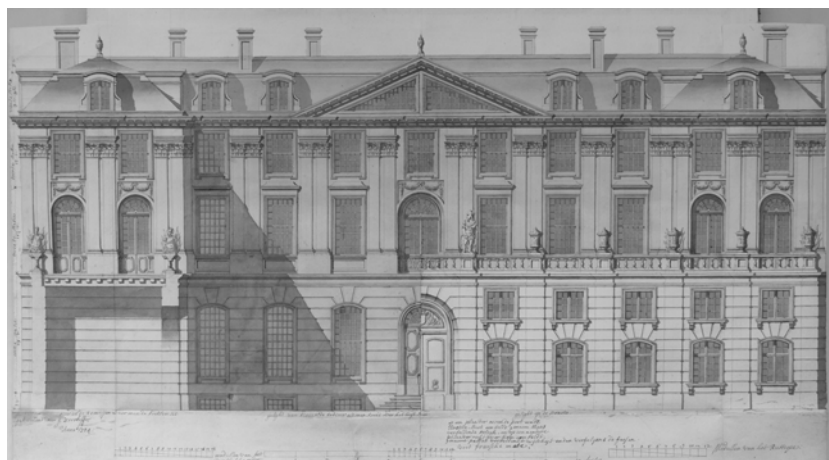

Рис. 4. Коробов И.: Проект городского особняка (Главный фасад, 1724г.) (Отдел рукописей Библиотеки РАН)

Он включает планы этажей и два фасада крупного городского особняка, подписанные, как и в предшествующем проекте, рукой И. Коробова на голландском языке. Графическая манера, в которой исполнены чертежи, свидетельствует о высоком уровне профессионального мастерства их автора. Перед жилым корпусом, стоящим между двором и садом, по улице расположено здание со службами и конюшнями, а также открытыми арочными галереями, идущими по сторонам двора.

12 На такое сходство обратил внимание голландский исследователь Д. ван де Вивьер: Dirk Van de Vijver, «L'Otude de la science architecturale. Formation d'un gentilhomme architecte russe en Brabant et en Hollande (1718-1727)» ... , p. 536.

13 ОР БРАН. Собрание иностранных рукописей. Альбом F° 266. Л. 39-43.

Фасады несколько раз были опубликованы в работах российских исследователей, но анализа архитектуры, изображенного на чертежах особняка, ими не предпринималось. Например, авторы описания фондов рукописного отдела БРАН и не ставили такой задачи, подчеркнув, что "оценка значения архитектурных чертежей 24-летнего Коробова ... может быть дана в будущем архитекторами-историками".¹⁴ Вместе с тем, относительно недавно голландский исследователь Д. ван де Вивьер, анализируя эти чертежи, высказал убедительное предположение относительно замысла этого проекта. Он назвал его абсолютно французским ("voeten fransche maete") и трактовал его как трансформацию известного проекта французского архитектора Огюстина-Шарля Д'Авиле (1653-1701).¹⁵ Сопоставление этого проекта с чертежами И. Коробова позволяет считать такое предположение весьма убедительным.

Модель большого дома с жилым корпусом между двором и садом была предложена Д'Авиле в его "Курсе архитектуры", изданном в Париже в 1691г.¹⁶ Взяв за основу эту модель французского проекта, И. Коробов преобразовал его масштаб на более значительный. Им использована величественная лестница в два огромных параллельных марша (у Д'Авиле - лестница в один марш), увеличен по высоте цокольный этаж, фасады выступающих боковых флигелей сделаны в два окна, то есть их ширина увеличена в два раза по сравнению с проектом Д'Авиле. Множество деталей также напрямую заимствованы из французских трактатов: военные трофеи, угловые решения пилястр, характер обработки мансардных кровель.

Следует подчеркнуть и графическое сходство между чертежами Д'Авиле и И. Коробова, которое достигается благодаря, например, идентичному показу в плане окон, сводов в подвале, перекрывающих помещения со столбами в центре, комбинацией дворового и уличного фасадов на одном листе, совмещающей на проекции их половины, идентичностью в отмыске падающих теней на фасадах. Всё это доказывает, насколько И. Коробов подробно заимствовал общие принципы и детали чертежей из трактата Д'Авиле.

Вместе с тем, И. Коробов привнес в модель жилого дома, предложенную Д'Авиле, ряд дополнений, позволяющих говорить о его творческом подходе к заданной схеме. Так, необычно выглядит большое треугольное окно в центре фронтона, отсутствующее в проекте Д'Авиле. Несколько иная у Коробова трактовка ордера. Вместо ионического ордера с простыми пилястрами он изображает сдвоенные пилястры коринфского ордера на общих пьедесталах и также с общими антаблементами, которые к тому же прорезаны оконными проемами. Для Коробова, получившего образование в Антверпене, антаблемент, который перерезан оконными проемами, мог быть навеян, например, садовым фасадом дома Меркатора Ортелиуса, перестроенного и расширенного в 1698г. торговцем Нобертом Шутом, проект которого принято атрибутировать Хендрику-Францу Вербрюггену.

Нельзя точно сказать, разрабатывал ли Коробов этот проект с какой-то конкретной целью, но нельзя исключать, что он был адресован именно русскому императору. Такое предположение возникает при анализе письма И. Коробова Петру I от 1 июля 1724г., с которым, видимо, он направил в Петербург рассматриваемые чертежи, где писал: "*держая ... послать ради показания вашему величеству, от архитекторного художества, нечто вымышления моего, как при сем явится* [выделено мной - С.К.], хотя по регулам сего художества не так и твердо, однако же, прияв такую смелость, начертил и се начертил ради объявления знания в науке моей, в чем надеюсь вашего императорского милостивого

14 Мурзанова М.Н., Покровская В.Ф., Боброва Е.И. Указ. соч. С. 238. Чертежи помещены на с. 89 (фасад бокового корпуса) и 91 (фасад центрального объема).

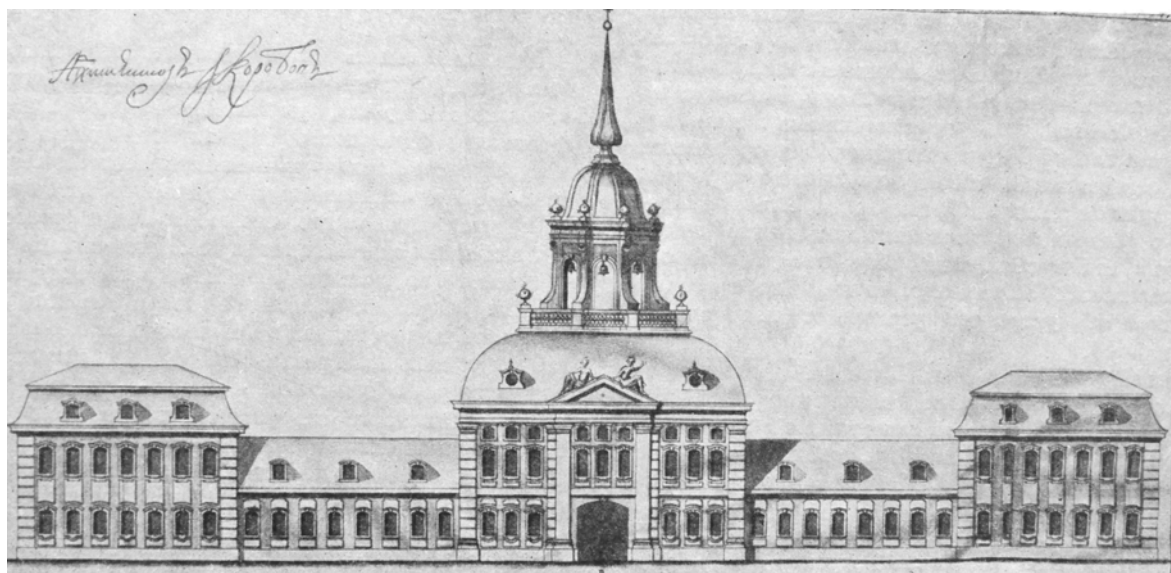
15 Dirk Van de Vijver, «L'Otude de la science architecturale. Formation d'un gentilhomme architecte russe en Brabant et en Hollande (1718-1727)» ... p. 537.

16 D'Aviler, Comparez Augustin-Charles. *Cours d'architecture qui comprend les ordres de Vignole, avec des commentaires, les figures & descriptions de ses plus beaux batimens, & ceux de Michel-Ange, plusieurs nouveaux desseins, ornemens & préceptes concernant la distribution, la décoration, la matière & la construction des édifices, la maçonnerie, la charpenterie, la couverture, la serrurerie, la menuiserie, le jardinage & tout ce qui regarde l'art de bâtir*, Paris: Nicolas Langlois, 1691, pl. 60 - 63b.

рассмотрения и рассуждения о прилежании во учении моем, однако ж еще признавая сам себя недостойно против других, которые обучались в иных странах, где обретается корень сего художества и прочих, а именно Италия и Франция". И далее: "дабы потом мог нарецися рабом вашего величества к чести получить быти художником в строении царских жилищ, а не мужицких".¹⁷

Из приводимого документа отчетливо просматривается стремление И. Коробова после возвращения в Россию фактически выполнять роль придворного архитектора, подчеркивая при этом, что для совершенствования своего архитектурного образования ему необходимо продолжить обучение в Италии или во Франции. Но, вероятно, для Петра I антверпенская среда скульпторов и архитекторов, технические приемы строительства и искусство голландских садов создавали серьезную альтернативу Франции и Италии в образовании русских архитекторов. Данное обстоятельство заставляет переосмысливать европейский архитектурный мир того времени как многополюсную сферу, где, в частности, наблюдается явное сближение в стилистическом развитии архитектуры южных и северных Нидерландов, что переворачивает стереотипное мнение, сложившееся даже в нидерландской историографии о сохраняющемся резком отличии голландского классицизма и фламандского барокко и в первой трети XVIII века.

Произошедшее к этому времени сближение в стилистическом отношении этих двух территорий страны, влияние на этот процесс французского и австрийского искусства, создали новую местную архитектурную традицию, получившую развитие в середине - второй половине XVIII века. Свидетелями такого сближения оказались и петровские пенсионеры. Именно это обстоятельство дает возможность проследить через их дальнейшее творчество более конкретно механизм проникновения форм нидерландской архитектуры в русскую архитектуру 1720-1740-х годов - периода раннего барокко, предшествующего времени взлета творчества Ф.-Б. Растрелли. Влияние и архитектуры голландского классицизма, и фламандского барокко, часто в сочетании форм обоих стилей, вполне отчетливо просматривается в проектах И. Коробова 1730-х годов, исполненных им в период работы в Адмиралтейств-коллегии, в частности, в одном из вариантов проекта Морского полкового двора в Петербурге (Рис. 5(а-с)).

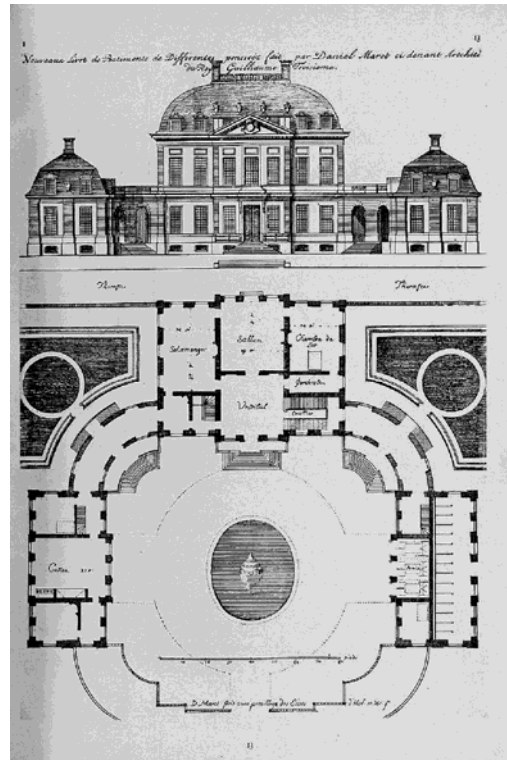

а)

17 Цитируется по изданию: Пилявский В.И. Указ соч. С. 60.

b)

c)

Рис. 5(а-с). Проект Морского полкового двора в Санкт-Петербурге и его возможные прототипы: а) Морской полковой двор (Фасад, вариант проекта, архитектор И. Коробов, 1736г.); б) Церковь св. Марии в Лейдене (архитектор А. ван Гравесанде, 1649г.) (Foto: Monumenten fotografie, Rijksdienst voor het Cultureel Erfgoed, afdeling Gebouwd Erfgoed); с) Проект жилого дома (архитектор Д. Маро, конец XVII века)

В трехчастной композиции зданий этого ансамбля, особенно центрального объема с криволинейного очертания кровлей и ризалитом, достаточно отчетливо прослеживается воздействие произведений архитектора Д. Маро, представителя французской архитектурной школы, работавшего в Голландии, например, одного из его проектов загородного жилого дома.¹⁸ В проекте И. Коробова композиция центрального здания дополнена объемом венчающей его колокольни домовой церкви, форма которой напоминает многие центричные церкви Голландии XVII века, подобно известной церкви Марии в Лейдене (1639-1649, арх. А. ван Гравесанде). Анализ этого проекта И. Коробова дает более ясное представление о механизме заимствования и трансформации тех или иных форм голландской архитектуры в архитектурной практике пенсионеров после возвращения в Россию.

Таким образом, именно работы Ивана Коробова, как ученические, выполненные в Нидерландах, так и проекты, созданные уже в России, дают уникальную возможность увидеть конкретные формы, привнесенные им в свои произведения из архитектуры той страны, в которой он учился. Обнаружение ученических работ других петровских пенсионеров, безусловно, обогатило бы общую картину русско-нидерландских архитектурных связей в первой трети XVIII столетия.

18 Marot, D. *Das Ornamentwerk des Daniel Marot* / Jessen P. [vorr.]. - Berlin, 1892. - p. 13.

Литература

1. Вагеманс Э. Петр Великий в Бельгии. - М., 2007.
2. Грабарь И.Э. История русского искусства. Т. 3. Б.м., б.г.
3. Грабарь И.Э. Обучение русских зодчих // История русского искусства. Т.V. - М., 1960. - С. 115-121.
4. Грабарь И.Э. Обучение русских мастеров за границей // Русская архитектура первой половины XVIII века: Исследования и материалы. / Под ред. акад. И.Э.Грабаря. - М., 1954. - С. 167-180.
5. Курукин И.В. Эпоха "дворских" бурь: Очерки политической истории послепетровской России, 1725-1762 гг. - Рязань, 2003.
6. Мурзанова М.Н., Покровская В.Ф., Боброва Е.И. Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. - М.-Л., 1961.
7. Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: Формирование внутривполитического курса и судьбы армии и флота 1730-1735 гг. - СПб., 2001.
8. Пилявский В.И. Иван Кузьмич Коробов // Архитектурное наследство. - №4. - М., 1953. - С.42-62.
9. Собрание Эрмитажа. Научный каталог. - Л., 1981.
10. Baudouin F. «Bourscheit (Bauerscheit, Bourscheidt, Bourscheit) de Jonge, Jan Peter», Nationaal Biografisch Woordenboek, t.I, 1964b, col.82-88.
11. Baudouin F. «Enkele beeldhouwwerken van Jan Peter van Bourscheit, vader en zoon», Nederlands Kunsthistorisch Jaarboek, t.XXI, 1970.
12. Baudouin F. «Jan Peter van Bourscheit de Jonge, architect, 1699-1768», Lira Elegans, Liers Genootschap voor Geschiedinis, 4, 1994.
13. D'Aviler. Comparez Augustin-Charles. Cours d'architecture qui comprend les ordres de Vignole, avec des commentaires, les figures & descriptions de ses plus beaux batimens, & ceux de Michel-Ange, plusieurs nouveaux desseins, ornemens & préceptes concernant la distribution, la décoration, la matière & la construction des édifices, la maçonnerie, la charpenterie, la couverture, la serrurerie, la menuiserie, le jardinage & tout ce qui regarde l'art de bâtir, Paris: Nicolas Langlois, 1691.
14. Dirk Van de Vijver. «L'Otude de la science architecturale. Formation d'un gentilhomme architecte russe en Brabant et en Hollande (1718-1727)», Cahiers du monde russe, 2006/3. Vol. 47, pp. 515-550.
15. Marot. D. Das Ornamentwerk des Daniel Marot / Jessen P. [vorr.]. - Berlin, 1892.
16. Tekenen en vasseren: Het bedrijf van Jan Peter van Bourscheit (1699 - 1768) en de architectuur in het tweede kwart van de achttiende eeuw / I. M. Breedveldt Boer - [S.l.] : [s.n.], 2003 - Tekst. - Proefschrift Universiteit Utrecht.
17. Thieme U., Becker F. Allgemeines lexicon der bildenden künstler. Von der antike bis zur gegenwart. B.3, Leipzig, 1909, pp.92-93.

References

1. Vagemans E. *Petr Velikij v Bel'gii* [Peter the Great in Belgium]. Moscow, 2007.
2. Grabar' I. *Istorija russkogo iskusstva* [The history of Russian art]. Vol. 3.
3. Grabar' I. *Istorija russkogo iskusstva* [The history of Russian art]. Moscow, 1960, Vol. 3, P. 115-121.
4. Grabar' I. *Russkaja arhitektura pervoj poloviny XVIII veka: Issledovanija i materialy* [Russian architecture of the first half of the XVIII century: Research and Materials]. Moscow, 1954, P. 167-180.
5. Kurukin I. *Jepoha "dvorskih" bur': Očerki političeskoj istorii poslepetrovskoj Rossii, 1725-1762 gg* [The era of "Dvorsky" storms: Essays on the political history of post-Petrine Russia, 1725-1762]. Ryazan', 2003.
6. Murzanova M. Pokrovsky V., Bobrow E. *Istoricheskij očerok i obzor fondov rukopisnogo otdela Biblioteki Akademii nauk* [Historical survey and review of the manuscript department funds Academy of Sciences Library]. Moscow - Saint Petersburg, 1961.
7. Petruhintsev N. *Carstvovanie Anny Ioannovny: Formirovanie vnutripoliticheskogo kursa i sud'by armii i flota 1730-1735 gg.* [The reign of Anna Ivanovna: Develop domestic policy and the fate of the army and navy, the 1730-1735]. Saint Petersburg, 2001.
8. Pilyavsky V. *Arhitekturnoe nasledstvo* [Architectural heritage]. Moscow, 1953, no. 4, P.42-62.
9. *Sobranie Jermitezha. Nauchnyj katalog* [The Hermitage. Academic catalog]. Saint Petersburg, 1981.
10. Baudouin F. «Bourscheit (Bauerscheit, Bourscheidt, Bourscheit) de Jonge, Jan Peter», *Nationaal Biografisch Woordenboek*, t.I, 1964b, col.82-88.
11. Baudouin F. «Enkele beeldhouwwerken van Jan Peter van Bourscheit, vader en zoon», *Nederlands Kunsthistorisch Jaarboek*, t.XXI, 1970.
12. Baudouin F. «Jan Peter van Bourscheit de Jonge, architect, 1699-1768», *Lira Elegans*, Liers Genootschap voor Geschiedinis, 4, 1994.
13. D'Aviler. Comparez Augustin-Charles. *Cours d'architecture qui comprend les ordres de Vignole, avec des commentaires, les figures & descriptions de ses plus beaux batimens, & ceux de Michel-Ange, plusieurs nouveaux desseins, ornemens & préceptes concernant la distribution, la décoration, la matière & la construction des édifices, la maçonnerie, la charpenterie, la couverture, la serrurerie, la menuiserie, le jardinage & tout ce qui regarde l'art de bâtir*, Paris: Nicolas Langlois, 1691.
14. Dirk Van de Vijver. «L'Otude de la science architecturale. Formation d'un gentilhomme architecte russe en Brabant et en Hollande (1718-1727)», *Cahiers du monde russe*, 2006/3. Vol. 47, pp. 515-550.
15. Marot. D. *Das Ornamentwerk des Daniel Marot / Jessen P.* [vorr.]. - Berlin, 1892.

16. Tekenen en vasseren: Het bedrijf van Jan Peter van Bourscheit (1699 - 1768) en de architectuur in het tweede kwart van de achttiende eeuw / I. M. Breedveldt Boer - [S.l.] : [s.n.], 2003 - Tekst. - Proefschrift Universiteit Utrecht.
17. Thieme U., Becker F. Allgemeines lexicon der bildenden künstler. Von der antike bis zur gegenwart. B.3, Leipzig, 1909, pp.92-93.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

С.В. Клименко

Кандидат архитектуры, профессор кафедры Истории архитектуры и градостроительства, Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
e-mail: sklimenko-marhi@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

S. Klimenko

PhD in Architecture, Professor of chair of History of architecture and town-planning, Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia
e-mail: sklimenko-marhi@yandex.ru